

М.С. Кукарцева

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

**СТИХОТВОРЕНИЕ «ЗОВ» Е. БАГРЯНЫ В ПЕРЕВОДЕ
А. АХМАТОВОЙ: ДИСТАНЦИРОВАННЫЙ ДИАЛОГ ПОЭТОВ¹**

Аннотация. В статье рассматривается перевод Анной Ахматовой в 1958 г. стихотворения болгарской поэтессы Елисаветы Багряны «Зов» (1923). Прослеживается история работы над переводом, отмечаются изменения, вносимые Ахматовой в оригинал текста. Пафос личной независимости женщины в семейно-брачных отношениях, актуальный для начала XX в., сменяется в переводе Ахматовой стремлением к свободе как общечеловеческой ценности, что соответствовало общей либерализации российского общества после разоблачения культа личности Сталина. Переводческая деятельность Ахматовой выстраивается как неявный диалог двух авторов и двух периодов истории общества и литературы.

Ключевые слова: художественный перевод, переводная литература, болгарская литература, болгарские поэтессы, поэтическое творчество, переводческая деятельность, русские поэтессы, образ птицы, поэтический диалог.

Многие поэты и писатели, начинавшие свое творчество еще в начале XX в., активно занимались в советское время переводческой деятельностью, особенно востребованной среди них в условиях цензурных ограничений. Художественный перевод выступал не только средством выживания в ситуации замалчивания, но и способом передать то, что не мог открыто сказать автор своими личными текстами. Поэты для перевода выбирали стихотворения, близкие себе, своим лирическим героям, по-своему переосмысляя и трансформируя поэтические образы текста-оригинала. Мы рассмотрим один из переводов А. Ахматовой стихотворения болгарской поэтессы Е. Багряны.

---

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Русский язык» на 2016-2020 гг., соглашение № 16.W18.25.0007.

Этих авторов сближают историко-культурные обстоятельства эпохи, а также их личные судьбы.

В 1950 – 1960-е гг. А. Ахматова перевела стихотворные произведения ста пятидесяти поэтов с семидесяти восьми языков, что составляет около двадцати тысяч строк. Существует множество свидетельств высокого качества художественных переводов, выполненных Анной Андреевной.

Арсений Тарковский в предисловии к сборнику поэтических переводов Ахматовой излагал основы всемирной теории перевода, которая и совпадает, и не совпадает с практикой поэтического перевода в советской стране тех лет. Он писал, что «стихотворный перевод, как и всякое другое искусство, начинается с отбора» [Тарковский 1965: 5]. Отсюда следует, что автор из всего наследия переводимого поэта выбирает стихотворение сознательно, выбирает тот единственный фрагмент, который более всего отвечает концепции его творчества, его замыслу. Поэт-переводчик находит в иноязычной литературе то, что в данный момент исторической, общественной, культурной, личной жизни представляется для него наиболее важным. И быть может, давным-давно написанное поэтом рождается вновь через преломление мотивов и образов в художественном переводе.

Тарковский подчеркивает родство переводов и оригиналов: «Жуковский сказал, что переводчик – соперник переводимого автора. Соперничество? О, нет, соперничество – вот суть искусства поэта-переводчика!» [Там же: 7]. Став мастером художественного перевода, Ахматова остается собой, сохраняя свою ярко выраженную индивидуальность, и в то же время отступает на второй план, показывая индивидуальность чужую, которой сочувствует и соперничает.

Поэт Семен Липкин, написавший статью о восточных переводах Ахматовой, размышлял о праве переводчика вносить в тексты переводимого автора свою интонацию и индивидуальность и сделал следующее заключение: «Анна Ахматова ничего не навязывает автору, она помогает ему на другом языке утверждать свое отношение к миру и тем самым,

уже с его помощью, выражает свои мысли, свои чувства» [Липкин 1969: 11].

По свидетельствам людей, лично знавших Ахматову, к переводческой деятельности она относилась отрицательно. Ей поневоле приходилось заниматься переводами, когда ее собственные стихи не печатали. Как записала в феврале 1964 года Л.К. Чуковская, Ахматова называла переводы «весьма трудоемкой формой безделия».

Н.А. Струве в своих воспоминаниях сообщает: «...Ахматова жаловалась, что ей приходится переводить поэтов, которые ей же и подражали: – Омерзительнейшая работа» [Струве 1989: 12].

Действительно, в женской лирике XX столетия часто присутствовали очевидные и легко узнаваемые следы творческого влияния Ахматовой: «С удивительным тактом переводила она эти стихи, не подчеркивая русским стихом зависимости поэтов от ее собственной поэтической манеры. Но – именно в женской лирике ахматовская интонация звучала особенно узнаваемо, украшая и приближая иноязычных поэтов к русскому читателю» [Королева 2005: 23].

Договор с издательством «Художественная литература» на перевод 199 строк Е. Багряны был подписан Ахматовой 18 декабря 1958 г. Рассмотрим один из ее переводов.

ЗОВ

Аз съм тук зад три врати заключена
Я здесь заперта за тремя дверями
и прозора ми е с решетка,
и на моем окне решетка,
а душата волна, волна птица в клетка,
а душа вольная, вольная птица в клетке,
е на слънце и простор научена.
к солнцу и простору привыкла.

Пролетни са ветровете полъхнали,
Дуновение весеннего ветра,
чувам гласове призивно ясни.
я слышу голоса, зовущие ясно.
Моя плам непламнал ще угасне
Мое пламя невоспламенное угаснет

в здрача на покоето заглъхнали.
в сумерках покоев замиращих.

Рзатроши ключалките ръждясали!
Разрушь ржавые замки!
Дай ми път през тъмни коридори!
Дай мне пройти по темным коридорам!
Не веднъж в огрените простори
Не раз по солнечным просторам
моите крила са ме понасяли.
мои крылья меня несли.

И ще бликнат звукове ликуващи
И хлынут ликующие звуки
от сърцето трепетно тогава...
из моего трепетного сердца...
– Но зад тези три врати, сподавен,
– *Но за этими тремя дверями подавленный,*
моя пламнал зов дали дочуваш ти?
*пылающий зов мой слышишь ли ты?*¹

ЗОВ (перевод А. Ахматовой)

Здесь я замкнута, крепки засовы,
И в окне решетки черной прутья,
Ни запеть не в силах, ни вздохнуть я,
Ни в родной простор умчаться снова.

Как томятся в тесной клетке птицы,
Зов весенний слышу сердцем ясно,
Но огонь мой гаснет здесь напрасно
В душном сумраке глухой темницы.

Так разбей замки – пора настала
Прочь уйти по темным коридорам.
Много раз по солнечным просторам
Я веселой птицей улетала.

Унесет меня поток певучий,
Что из сердца трепетного льется,
Если до тебя он донесется...

---

¹ Мы благодарим за помощ в подстрочном переводе проф. Людмила Димитрова (Ун-т «Св. Климента Охридского», София).

– Слышишь из темницы зов мой жгучий?

1923 г.

Данное стихотворение имеет автобиографическую основу. В начале XX в. еще доминировало традиционное патриархальное мышление. Права женщин в болгарском обществе были весьма ограничены, предназначением женщины считалось воспитание детей и забота о муже. Всех, кто отклонялся от этого стереотипа, подвергали гонениям и осуждению. В результате этих обстоятельств в Болгарии начинают формироваться общества по борьбе за права женщин. Одной из ярких феминисток своего времени, борющихся за свои права как личности, и была известная болгарская поэтесса Елисавета Багряна.

В 1919 году поэтесса становится женой офицера Шапкарева, и у них рождается сын Любомир. Однако в семье ее мужа не приемлют занятия литературой, тем более для женщины. Елисавета не выдерживает давления со стороны его семьи, и после четырех лет совместной жизни они расходятся. В 1925 году она оставляет мужу своего сына, который узнает о существовании своей матери лишь через 16 лет и то из заметок в местных газетах [Елисавета Багряна: URL].

Стихотворение «Зов» было написано в 1923 году в ранний период ее творчества, когда Багряна ещё состояла в браке с Иваном Шапкаревым, и помещено в ее первый поэтический сборник «Вечная и святая» («Вечната и святата»), который был опубликован в 1927 году.

Этот сборник был воспринят критиками как книга-провокация как с точки зрения поэтической традиции, так и с точки зрения мотивов и творческих установок. Это женская лирика, которая воспринимается как символ свободы, жажды изменений, порыв к вольности и свободе личности.

В одном из таких стихотворений, стихотворении «Зов», анализируемом нами, мы слышим голос женщины, жизнь которой в прежних условиях невыносима. Монолог ведется от первого лица и представлен в форме исповеди. Лирическая героиня автобиографична, но это и обобщенный образ

женщины, находящейся в жестких рамках буржуазной действительности.

Создается впечатление, что героиня находится в тюрьме. Это впечатление помогают создавать глаголы *замкнута, ни запеть* не в силах, *ни вздохнуть, ни умчаться*, *огонь гаснет* и т.д. Даже на окнах ей чудятся *черные прутья решетки*. Героиня сравнивает свой дом с *клеткой птицы*, а во второй и четвертой строфах прямо называет его *темницей, глухой темницей*. Мрачные стены тюрьмы перед читателем автор рисует при помощи семантики черного цвета: эпитеты *черные* прутья, *темные* коридоры; *огонь гаснет* – значит, становится темно, в темнице *сумрак*. Перед нами предстает угнетающая человеческое сознание картина замкнутого пространства, из которого невозможно вырваться вольнолюбивой и жаждущей живой жизни души. Эта картина создается не только с помощью выразительных средств, но и благодаря использованию кольцевой рифмовки во всех строфах стихотворения.

Между строк едва прорывается горький вкус свободы, но стремление к нему пока только желание, мечта, а не реальность:

Зов весенний слышу сердцем ясно,
Но огонь мой гаснет здесь напрасно...

Героиня ищет свое место, хочет освободиться, чтобы реализовать себя в полной мере, так как женщина – это прежде всего личность, вдохновленная своими собственными порывами и страстями и желаниями:

Унесет меня поток певучий,
Что из сердца трепетного льется...

Свободная, окрылённая, порывистая личность не может ограничивать свой мир в рамках узких стен комнат. Ей противна тихая поэзия домашнего очага, ее *душный сумрак*, полной грудью она дышит только за пределами предоставленного ей замкнутого пространства, полного не сумрака, а солнечного света, не тоскливого, а радостного:

Много раз по солнечным просторам
Я веселой птицей улетала.

Масштаб домашнего мира узок, в то время как мир природы безграничен. На воле человек сливается с природой, огромной и свободной. В стихотворении представлено художественное взаимодействие между человеком и природой, в этом взаимодействии скрывается одно из величайших проявлений эстетического и духовного обмена между миром и человеком в поэзии Багряны.

Женщина осознает свое право на счастье: она чувствует силу молодости, неукротимую жажду свободы, которая сможет разбить замки. Ничто уже не может остановить ее порыв. Силу его подчеркивают эпитеты, расположенные по градации: поток *певучий*, сердце *трепетное*, зов *жгучий*. Также ритмично пульсирующее желание и напряженная внутренняя жизнь лирической героини передаются при помощи стихотворного размера – четырехстопного хорее с пиррихиями в начале и середине строки.

Это страстный призыв к судьбе, призыв к Свободе:

– Слышишь из темницы зов мой жгучий?

Героиня надеется, что ее голос будет услышан, но все же в глубине души ее терзают сомнения:

Если до тебя он донесется...

Также зов героини мы слышим при чтении стихотворения благодаря ассонансу:

Так разбей замки – **пора** настала
Прочь уйти по т'омным **коридорам**.
Много раз по **солнечным просторам**
Я вес'олой птицей улетала.

Это желание новой встречи мира и человека, которое ломает замки домашнего заключения и открывает духовное пространство для творчества.

Как уже было отмечено выше, Ахматова признавала свое влияние на зарубежных поэтов. В рабочих тетрадях Ахматовой – многочисленные упоминания имени Е. Багряны, которую она переводит, и записи о том, что Ахматову на болгарский язык переводит Багряна. В последние месяцы жизни, в Боткинской

больнице в Москве, Ахматова составляет список тем для будущих исследователей ее творчества. Среди них – «Влияние на следующие поколения. Подражатели за границей (Багряна) и дома» [Ахматова 1966: 690].

Так, переводя Е. Багряну, Ахматова не могла не узнать в ее стихах свои образы. Н.В. Королева в предисловии к собранию сочинений Ахматовой приводит следующий пример:

Ранний вариант перевода Ахматовой первой строфы стихотворения «Зов» выглядел так:

Замкнутая я здесь, крепки затворы,
И в окне решетки черной прутья.
Не могу ни петь и ни вздохнуть я,
А привыкла улетать в просторы.

Ср. ахматовские строки:

И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.

Вполне возможно, что сама Ахматова поняла эту чрезмерную близость и изменила строки:

Здесь я замкнута, крепки засовы,
И в окне решетки черной прутья,
Ни запеть не в силах, ни вздохнуть я,
Ни в родной простор умчаться снова.

Новый вариант представляется слабее раннего, ровная перечислительная повествовательность (ни...ни...ни...) заменила упругую противительную интонацию фразы: «Не могу... а привыкла». Но – он уже удален от собственно Ахматовой [Королева 2005: 23 – 24].

Третья строфа стихотворения в первоначальном переводе выглядела следующим образом:

В тусклом сумраке глухой темницы
Сбей замки, о сбей замки из стали,
Поведи сквозь эти переходы,
Не однажды за мечтой свободы
Думы-песни далеко летали.

Изменяет на:

Так разбей замки – пора настала
Прочь уйти по темным коридорам.
Много раз по солнечным просторам
Я веселой птицей улетала.

В первоначальном переводе строфа состоит из пяти строк, в которых лирическая героиня отчаянно просит освобождения: *Сбей замки, о сбей замки*, почти умоляет – междометие *о*. Она не в состоянии сама открыть **стальные** замки и выбраться из своей темницы, на это указывает глагол *поведи*. Женщина мечтала о свободе и раньше, но это были только *думы-песни*.

В исправленном переводе голос героини звучит более настойчиво, более оптимистично. Это не просьба, а приказ – глагол повелительного наклонения: *так разбей*. Героиня знает дорогу к свету, она уже мысленно проделала этот путь:

Много раз по солнечным просторам
Я веселой птицей улетала.

В стихотворениях всего сборника «Вечная и святая» у Багряны силен фольклорный песенный мотив. В данном стихотворении героиня сравнивает себя *с птицей*, заключенной в клетку, *с птицей*, которая жаждет вырваться на свободу. Образ души-птицы многократно встречался и в поэзии Ахматовой, и в лирике Серебряного века, восходя к библии: «На Господа уповаю; как же вы говорите душой моей: «улетай на гору вашу, как птица?»» (Псалтырь, 10, 1). Птица – это образ, раскрывающий внутренний мир человека. В первом варианте перевода Ахматова сохранила эту фольклорную окраску, а в окончательном варианте уже не «думы-песни», а «я веселой птицей улетала», т.е. усилено индивидуально-личностное начало.

В 1921 г. А. Ахматова пишет стихотворение «Тебе покорной? Ты сошел с ума...», посвященное ее второму мужу В. К. Шилейко, с которым у нее складывались весьма непростые отношения. Из-за схожести мотивов и сюжета, мы можем полагать, что Е. Багряна при написании стихотворения «Зов» в 1923 г. ориентировалась именно на него. В обоих стихотворениях прослеживается мотив свободы женской

личности от семейного плена и тирана-мужа: *Мне муж – палач, а дом его – тюрьма* (Ахматова). Героиня Ахматовой сравнивает себя с *птицей*, которая *всем телом бьется о прозрачное стекло*.

Принципиальное отличие этих двух стихотворений заключается в том, что в стихотворении-сонете «Тебе покорной? Ты сошел с ума...» у лирической героини наличествует чувство собственной вины, благодарность за то, что муж поддержал ее в трудное время: ... *ты мне вечно мил / За то, что в дом свой странницу пустил*. Голос лирической героини к концу стихотворения звучит тихо, а не с вызовом, как в первой строфе (*Теперь во мне спокойствие и счастье, / Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил* ср. *Тебе покорной? Ты сошел с ума!*). У Багряны – непримиримость со своим положением, героиня просит судьбу освободить ее, это желание с каждой строфой нарастает и в конце достигает своего максимума: – *Слышишь из темницы зов мой жгучий?*

Можно предположить, что в 1958 г. Ахматову уже не волновала давняя история с Шилейко. Переводя Багряну, она акцентировала желание свободы, предчувствие освобождения и солнца. Это перекликается с ощущением «оттепели» – либерализации в советском обществе после XX съезда КПСС, разоблачение культа личности Сталина. Начались процессы реабилитации, был освобожден Лев Гумилев, состоялась публикация сборника «Стихотворения» Ахматовой в 1958 г.

Таким образом, перевод в рассмотренном нами случае разворачивается в неявный диалог двух поэтов. Болгарской поэтессе в начале 1920-х гг. была близка «женская» поэзия ранней Ахматовой. Ахматова, переводя в 1958 г. стихотворение Багряны, стремилась «затушевать» наиболее явные следы влияния собственного творчества. В стихотворении Багряны ей созвучен «зов» к свободе – уже не в узко-личном плане освобождения от семейной неволи, а более широко, культурно-политическом смысле.

Литература

Ахматова А. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Эллис Лак 2000, 2005. Т. 8: Переводы 1950–1960-е годы.

Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой (серия «Мастера поэтического перевода»). М. : Прогресс, 1965. Вып. 4.

Елисавета Багряна. URL: <http://strana-bolgariya.ru/elisaveta-bagryana.htm> (дата обращения: 12.11.16).

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М. : Москва–Torino: РГАЛИ, Giulio Einaudi editore, 1996.

Липкин С. Восточные строки Анны Ахматовой // Анна Ахматова. Классическая поэзия востока. М. : Худож. литература, 1969. С. 10 – 12 .

Пугачева Э.В. Ассоциативные поля образа птицы в поэзии А. Ахматовой // Наука и современность. 2010. № 4 – 2. С. 139 – 143.

Струве Н. Восемь часов с Анной Ахматовой // Звезда. 1989. №6. С. 118 – 126.

Тарковский А. Предисловие // Анна Ахматова : Pro et contra. СПб. : РХГИ, 2001. С. 297 – 301.

УДК 821.161.1-3(Голстая Т. Н.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444

М.Д. Брызгалова

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И НАРОД В ТРАКТОВКЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Аннотация. В статье анализируется один из основополагающих вопросов русской литературы – взаимоотношения между творцом и народом – с точки зрения Т.Н.Толстой. Материалом для анализа являются два сборника произведений, вышедшие в последние годы – «Легкие миры» (2014) и «Войлочный век» (2015). Одной из ключевых идей статьи является необходимость разграничения понятий «чернь» и «народ». Отличие в семантике данных терминов показано через призму текстов Татьяны Толстой различной жанровой направленности, что позволяет сделать следующий вывод – отношение писательницы к черни и непосредственно к народу, обладающему мифопоэтическим сознанием, в целом совершенно различно.